

Афанасьева Эльмира Маратовна

МОТИВ ВЛАСТИ ИМЕНИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИПТИХЕ А. С. ПУШКИНА О ДОРИДАХ

Статья посвящена анализу онтологии имени в стихотворениях А. С. Пушкина "Дорида" и "Дориде". В работе восстанавливается "поэтическая биография" страстной героини, выявляется палитра чувств, связанных с нею. Автор приходит к выводу, что мотив власти имени в поэтическом диптихе о Доридах имеет зеркальный характер воплощения. Между субъектом лирического высказывания и героиней возникает сфера межличностного бытия, в которой скрывается намек на измену. В обоих текстах произнесенное имя становится окончательным аргументом в процессе преодоления внутренних переживаний.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 38-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

во взаимодействии обуславливают уровень иноязычной коммуникативной компетентности врача. В соответствии с содержанием этих компетенций нами разработан диагностический инструментарий для измерения и оценки показателей их развития. Установлено, что при реализации традиционных подходов к преподаванию дисциплины «Иностранный язык» на медицинском факультете вуза у студентов не наблюдается существенного повышения показателей языковой и социокультурной компетенций, достоверно улучшаются только показатели речевой компетенции. Среди составляющих речевой компетенции существенно повышаются показатели чтения, письма и говорения, наряду с этим снижаются показатели аудирования. В целом повышение уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетентности проявляется на уровне незначимой тенденции. В сложившейся ситуации актуальным становится поиск и разработка новых, более эффективных подходов к формированию у студентов медицинских вузов иноязычной коммуникативной компетентности.

Список литературы

1. **Бим И. Л.** Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам // Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / под ред. А. В. Хуторского. М., 2007. С. 156-163.
2. **Гончарова Н. Л.** К вопросу об иноязычных компетенциях // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 74-77.
3. **Зимняя И. А.** Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34-42.
4. **Поляков О. Г.** Подготовка студентов-музыкантов к межкультурной коммуникации на занятиях по английскому языку как иностранному // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 73-75.
5. **Поляков О. Г.** Профильно-ориентированное обучение английскому языку и лингвистические факторы, влияющие на проектирование курса // Иностранные языки в школе. 2004. № 2. С. 6-11.
6. **Сафонова В. В.** Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М.: Высшая школа; Амскорт интернэшнл, 1991. 331 с.
7. **Halliday M. A. K.** Learning How to Mean: Explorations in the Development of Language. London: Edward Arnold, 1975. 164 p.

FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF MEDICAL STUDENTS IN PROCESS OF STUDYING IN HIGHER EDUCATION ESTABLISHMENT

Antonova Nadezhda Aleksandrovna

Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev
rektorat@chgpu.edu.ru

The article defines more exactly the essence of the notion “foreign language communicative competence”, considers language, speech and social-cultural competences, which form its content and qualitatively characterize it; reveals the diagnostic tools for the measuring and evaluating the indices of their development, presents the results of an experimental research showing that traditional approaches to teaching the discipline of “Foreign Language” for students of medical higher education establishment do not provide the significant increase in language and social-cultural competence indices, and lead to the significant improvement of speech competence indices and to a slight increase in the level of foreign language communicative competence formation in general.

Key words and phrases: foreign language communicative competence; language, speech and social-cultural competences; diagnostic tools; medical faculty students; teaching foreign language.

УДК 82-1/29

Филологические науки

Статья посвящена анализу онтологии имени в стихотворениях А. С. Пушкина «Дорида» и «Дориде». В работе восстанавливается «поэтическая биография» страстной героини, выявляется палитра чувств, связанных с нею. Автор приходит к выводу, что мотив власти имени в поэтическом диптихе о Доридах имеет зеркальный характер воплощения. Между субъектом лирического высказывания и героиней возникает сфера межличностного бытия, в которой скрывается намек на измену. В обоих текстах произнесенное имя становится окончательным аргументом в процессе преодоления внутренних переживаний.

Ключевые слова и фразы: любовная лирика; онтология имени; мотив; художественный мир; художественный образ.

Афанасьева Эльмира Маратовна, к. филол. н.

Кемеровский государственный университет

elmira_afanaseva@mail.ru

МОТИВ ВЛАСТИ ИМЕНИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИПТИХЕ А. С. ПУШКИНА О ДОРИДАХ[©]

Тема любви в русской литературе рубежа XVIII-XIX вв. соотносилась с парадигмой экзотических имен, которые становились масками к определённым литературным ситуациям. В творчестве А. С. Пушкина

данный прием не только нашел воплощение, но и подвергся эстетической рефлексии. Например, вереница литературных имен, в которую вовлечены герои «Евгения Онегина», формирует, с одной стороны, модель житнетворчества по литературному образцу, с другой – разрушает стереотипы и дает возможность освобождения от разного рода условностей.

Отдельного внимания заслуживает поэтический диптих «Дорида» (1819) и «Дориде» (1820), создаваемый на пике романтического периода творчества. Оба текста впервые были опубликованы в «Невском зрителе» (1820, ч. 1), позже вошли в прижизненные сборники стихотворений: в 1826 г. – в составе цикла «Подражания древним»; в 1829 г. – в раздел стихотворений 1820 г. [7, т. 2, кн. 1, с. 995, 1022]. Пушкин, очевидно, сознательно уравнивал эти тексты по году создания, публикуя в сборниках сначала стихотворение с посвятельным названием «Дориде», а затем «Дорида». В литературоведении особое внимание уделялось выявлению источников, повлиявших на произведения в антологическом роде, а также соотношению в них античности и современности [3; 5; 8]. Как отметил О. А. Проскурин, в стихотворениях о Доридах «были развиты именно те моменты, которые позволяли сблизить антологическую поэзию с переживаниями современного человека... Персонаж антологической эпиграммы превращался в лирического героя элегии; но это превращение оказывалось чревато разрушением самого антологического модуса» [6, с. 85].

В поле нашего внимания будет мотив, объединяющий диптих о Доридах, – это мотив власти имени. Отметим сразу, что в обоих случаях он проявлен не в связи с «экзотичным» названием, а в связи с реакцией лирического героя на взаимоотношения со страстной героиней.

«Поэтическая биография» Дориды в лирике Пушкина начинается с лицейских текстов «Рассудок и любовь» (1814), «Блаженство» (1814), «Шишкову» (1816) и доходит до кульминации в романтический период. Помимо упоминаемого диптиха это имя также встречается в эпилоге к «Руслану и Людмиле».

Буколическая тема погони Дафниса за пастушкой Доридой в стихотворении «Рассудок и любовь» определяет специфику восприятия образа в ранней лирике. Дорида – страстная героиня, жаркие объятия которой сулят пик блаженства, однако ее любовь нужно завоевать. В лицейской лирике мотив любовных объятий подчеркнута эротичен:

И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах,
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала
(«Рассудок и любовь») [7, т. 1, с. 39]...

Так поди ж теперь с похмелья
С Купидоном помирись;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем насладись
(«Блаженство») [Там же, с. 56]!

На смену радостям любви приходят разочарования. В эпилоге к «Руслану и Людмиле» появляется мотив измены ветреной героини:

Я пел – и забывал обиды
Слепого счастья и врагов,
Измены ветреной Дориды
И сплетни шумные глупцов
[Там же, т. 4, с. 86].

Восходя к пасторально-буколической традиции, пушкинская Дорида превращается в эстетический объект желаний. Любовь к ней создала целую палитру чувств: стремление завоевать, испытать любовное блаженство, желание воспевать или бранить, быть любимым и ревновать, находить кратковременные утехи у ветреной любовницы и изменять ей. Таким образом, в «магнитное поле» литературной Дориды вовлечен поэтический накал страстей.

По наблюдению Д. П. Якубовича, «самые собственные имена в ранней – античной» лирике Пушкина беспредметны и, видимо, лишены конкретных ассоциаций; Арист, Клит, Климена, Хлоя, Дорида – не скрывают за собою индивидуальностей древнего мира» [13, с. 121]. Далее исследователь отмечает четкую закрепленность имен за определенными жанрами: «Всякий жанр также имел свои атрибуты, свои приметы. В элегии были естественны упоминания Зефилов, Парок, Ахерона, Леты; в оде, как и в XVIII в., оставались обязательными Беллона, Марс, Минерва; в идиллии – сатиры, купидоны, Дорида, Хлоя, Зефир; в эпиграмме – Клит, Арист; в посланиях: Арист, Аристарх, Вакх, Эпикур, Пинд, Иппокрена, имена поэтов, с нарочитой щеголеватостью (Назон, не Овидий; Марон, не Вергилий; Флакк, не Гораций), Тиисский певец (Анакреонт), парнасские цветы и т.п.» [Там же]. Данные наблюдения имеют научный интерес и могут послужить основой разработки проблемы жанровой номинологии. Однако по отношению к пушкинским текстам имя Дорида в границы идиллии не вписывается.

Хотя идиллический штрих к образу героини с экзотичным именем присутствует в стихотворном послании «Шишкову», написанном в лицее и существенно переработанном к публикации в сборнике «Стихотворения А. Пушкина» 1826 г. В окончательной редакции имя героини появляется в следующем контексте:

Угодник Бахуса, я, трезвый меж друзьями,
Бывало, пел вино водяными стихами;
Мечтательных Дорид и славил и бранил
[7, т. 2, кн. 1, с. 23]...

Образ «мечтательных Дорид» восходит к идиллической поэтике [2], а вот импульсивно-страстное отношение поэта к мечтательной героине разрушает идиллическую гармонию. Лирический словарь в пределах одного стиха характеризует конфликтную ситуацию, рожденную на стыке спокойной мечтательности и бурной страсти.

Поэтический диптих Пушкина имеет свою специфику. В финальных стихах обоих текстов возникает мотив имени. Стихотворение «Дорида» воссоздает ситуацию удвоения чувств. На пике любовного наслаждения герой вдруг видит образ другой возлюбленной:

В Дориде нравятся и локоны золотые,
И бледное лицо, и очи голубые.
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали
(«Дорида») [7, т. 2, кн. 1, с. 82].

В начале лирического события появляется шаблонный образ элегической красавицы, который, по мнению А. А. Смирнова, «исчерпывается признаками —приятного», —милого», примитивного, обусловленного —идеальным» отношением к объекту изображения» [9, с. 48]. Ситуация поэтизированного дружеского пира сменяется сценой поэтизированной эротики, на этом фоне возникает интрига:

Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

В сильной позиции финала появляется мотив томления по другой любви, которую затмить не может плотское наслаждение. Чувство, проступающее в последних стихах, исполнено оттенком таинственной притягательности и недоступности. Оно обнаруживается на пике любовной страсти к красавице Дориде. Двойственность лирической ситуации основана на противопоставлении реальности и мечты, доступности и недоступности желаемого, сиюминутного и прошлого [10]. На первом плане — эротическая мотивировка желаний («Восторги быстрые восторгами сменялись, // Желанья гасли вдруг и снова разгорались»); но эта страсть не может затмить тайное чувство любовного переживания. Последние стихи вводят мотив тайного желания, единственным знаком которого становится «имя чуждое». Оно окружено недосказанностью и неопределенностью: произнесено «среди неверной темноты», когда герой «полон был таинственной печали». Создается впечатление призрачности образа героини с «другими» чертами, а подчеркнутая близость к Дориде создает невероятную дистанцию по отношению к истинной любви.

В начале 1820 года Пушкин написал стихотворение, помеченное тем же условным именем. С. И. Любомудров соотнес финал второго текста — «Дориде» — с творчеством А. Шенье, обратив внимание на то, как образ первоисточника формирует «аттическую грацию» пушкинского произведения [4, с. 19-20]. Б. В. Томашевский уточнил, что произведение восходит к XXV элегии А. Шенье [11, с. 461]. Однако речь идет не о переводе или о подражании, а об эстетическом освоении жанра антологии. Как отмечает С. А. Фомичев, «в конце 1810-1820 гг. Пушкин редко прибегал к собственно переводам из антологии, вступая в своеобразное соревнование с особо почитаемым им в то время А. Шенье, признанным мастером антологического жанра» [12, с. 127].

Второе стихотворение воссоздает ситуацию возможной измены:

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Все неприятно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность
(«Дориде») [7, т. 2, кн. 1, с. 137].

В основе лирической рефлексии – самоубеждение героя в верности возлюбленной. С одной стороны, он убеждает себя, что любим («я верю: я любим»), с другой – усиленный вариант самоуспокоения («для сердца нужно верить») создает эффект сомнения в истинности утверждения. Отстраняясь от реальности, герой возвышает любимую женщину в собственных глазах. В идеализации женского образа сочетается чувственность, страсть желаний («желаний томный жар») и чистота героини («стыдливость робкая» и «ласковых имен младенческая нежность»). Лирическая философия любви сводится к тому, что лучше обманываясь верить, чем страдать, зная и принимая правду. В стихотворении монолог героя фиксирует переход от неистовства страсти, мук ревности («Нет, милая моя не может лицемерить») к покою и умиротворению через восприятие звука ее голоса: «И ласковых имен младенческая нежность». Таким образом, преодолевается душевный дискомфорт лирического героя; страсть желаний сменяется нежностью. Система ценностей, связанная с представлением о любви, культивирует идею веры, которая ценится выше чувственности: «Я верю: я любим; для сердца нужно верить». И эта вера оправдывает и облагораживает сиюминутное переживание сложности взаимоотношений.

Стихотворения о Доридах представляют собой своеобразную дилогию, сюжетно почти зеркальную. В первом тексте изящно завуалированная измена обнаруживается самим героем, произносящим другое имя. Во втором произведении самоубеждение в верности возлюбленной завершается доверием к «ласковым именам», произносимым ею. И в том, и в другом случае произнесенное имя обладает едва ли не магической властью, оно становится окончательным аргументом в процессе преодоления внутренних переживаний.

Между субъектом лирического высказывания и героиней возникает сфера межличностного бытия. Именно этот вариант развития онтологии имени [1] сформировал знаковую для любовной эстетики пушкинской поры концепцию тайны.

Список литературы

1. **Афанасьева Э. М.** Онтология имени в стихотворении А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем...» // Русское литературоведение в новом тысячелетии: материалы второй Международной конференции: в 2-х т. М.: Издательский дом «Таганка», 2003. Т. 1. С. 81-85.
2. **Вацуру В. Э.** Русская идилия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. С. 118-137.
3. **Кибальник С. А.** Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л.: Наука, 1990. 267 с.
4. **Любомудров С. И.** Античный мир в поэзии Пушкина. М.: Университетская типография, 1899. 64 с.
5. **Мальчукова Т. Г.** «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Антологические эпиграммы» в лирике А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 1990. № 1. С. 48-72.
6. **Проскурин О. А.** Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест // Новое литературное обозрение: науч. прил. М.: Новое литературное обозрение, 1999. Вып. 17. 459 с.
7. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
8. **Сандомирская В. Б.** Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: Пушкин и Батюшков // Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л.: Наука, 1979. С. 15-30.
9. **Смирнов А. А.** Романтическая лирика А. С. Пушкина. М.: Изд-во Московского университета, 1994. 187 с.
10. **Сулемина О. В.** Воспоминания как один из способов «самопостроения» пушкинского лирического субъекта-поэта // Альманах современной науки и образования. 2012. № 11. С. 180-183.
11. **Томашевский Б. В.** Примечания // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1977-1979. Т. 1.
12. **Фомичев С. А.** Служенье муз: о лирике Пушкина. СПб., 2001. 250 с.
13. **Якубович Д. П.** Античность в творчестве Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М. – Л., 1941. С. 92-159.

MOTIVE OF NAME POWER IN A. S. PUSHKIN'S POETIC DIPTYCH ABOUT DORIDA

Afnas'eva El'mira Maratovna, Ph. D. in Philology
Kemerovo State University
elmira_afanaseva@mail.ru

The article is devoted to the analysis of name ontology in A. S. Pushkin's poems "Dorida" and "Fo Dorida". In the paper the "poetic biography" of a passionate heroine is reconstructed, and the palette of feelings, associated with her, is revealed. The author comes to the conclusion that the motive of name power in the poetic diptych about Dorida has the mirror-like nature of embodiment. The sphere of interpersonal being between the subject of lyrical expression and the heroine occurs, and it conveys a hint of betrayal. In both texts the spoken name becomes a final argument in the process of overcoming internal experiences.

Key words and phrases: love lyrics; name ontology; motive; artistic world; artistic image.